

DOI: 10.22363/2224-7580-2024-3-125-133

EDN: OCDOOG

ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Е.Ф. Тарасов

*Институт русского языка Российской университета дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3*

Аннотация. Цель статьи – анализ и демонстрация эвристических возможностей теории речевой деятельности как единственной глобальной теории в современной психолингвистике. Рецепция этой теории предполагает исследование методологического и теоретического понятийного аппарата в качестве условия экспериментальной верификации эмпирических данных.

Ключевые слова: деятельностный подход, теория деятельности, теория речевой деятельности, эвристический потенциал, психолингвистика

Введение

Поводом для появления этой статьи послужил пятидесятилетний юбилей первой публикации методологических и теоретических проблем отечественной психолингвистики – теории речевой деятельности. Цель статьи двоякая: с одной стороны, показать, какими познавательными преимуществами обладает психолингвистика по сравнению с объяснительными возможностями описательной лингвистики, а с другой стороны, проанализировать эвристические потенции теории речевой деятельности (ТРД) – отечественной школы психолингвистики, которая с начала восьмидесятых годов, после прекращения экспериментальной верификации психической реальной трансформационной грамматики Н. Хомского, осталась единственной психолингвистической школой, предлагающей удовлетворительное решение всех четырех стандартных проблем психолингвистики: производства и восприятия речи, онтогенеза языка и речевого общения.

Теория деятельности А.Н. Леонтьева

При анализе теории деятельности А.Н. Леонтьева в качестве психологического фрагмента теории речевой деятельности нельзя не учитывать, что вариант теории 1974 года был написан А.Н. Леонтьевым специально для коллективной монографии «Основы теории речевой деятельности», в которой уже были сформулированы основы ТРД [1]. Есть еще третья цель: показать на примере теории речевой деятельности реализацию принципа двоичности

при конструировании онтологии стыковых дисциплин типа психолингвистики.

Потребность в анализе возможностей ТРД для решения проблем исследования речевых *процессов* стимулирована попытками лингвистов решать задачи, которые не входят в предметную область описательной лингвистики.

Известно, что ТРД как стыковая научная дисциплина имеет понятийный аппарат, состоящий из психологической и лингвистической частей, где в качестве психологической части, фигурирует теория деятельности А.Н. Леонтьева [2. С. 5–20], а в качестве лингвистической – доктрины И.А. Бодуэна де Куртенэ [3] и Л.В. Щербы [4].

Специфику теории речевой деятельности задаёт психологический фрагмент в форме общей психологической теории деятельности (ТД) А.Н. Леонтьева, и поэтому объектом нашего анализа становится прежде всего ТД.

Первой и основной функцией субъекта деятельности, по А.Н. Леонтьеву, является опосредствование влияния на психику человека внешней среды, которое описывается формулой «субъект – деятельность – объект». Таким образом, А.Н. Леонтьев, вслед за К. Марксом, исходит из представления, что сознание человека определяется процессом реальной жизни, которая осуществляется в форме активного деятельностного воздействия на реальную действительность. Уточняя эту мысль, А.Н. Леонтьев формирует представление о том, что жизнь человека в обществе может быть понята как «иерархия сменяющих друг друга деятельностей» [2. С. 7].

Функцию деятельности человека по отношению к его психике А.Н. Леонтьев усматривает в том, что «именно в деятельности происходит переход или „перевод“ отражаемого в субъективный образ, в идеальное; вместе с тем в деятельности совершается также переход идеального в объективные результаты, в ее продукты, в материальное» [2. С. 7]. Если сюда добавить мысль А.Н. Леонтьева об интегрированности деятельностей человека в его социальные отношения и о невозможности ее отделения от этих отношений [2. С. 8], то мы получим логичное развитие идей культурно-исторической школы Л.С. Выготского о построении высших психических функций человека в процессе интериоризации совместной деятельности и ребенка, и взрослого. Неслучайно А.Н. Леонтьев упоминает мысль Л.С. Выготского о том, что «высшие психологические функции имеют принципиальную структуру трудовой деятельности» [2. С. 8].

Но главная заслуга А.Н. Леонтьева перед отечественной психолингвистикой состоит в построении модели предметной деятельности, которая отображает (моделирует) всю полноту общественной жизни, детерминирующей любую речевую активность сотрудничающих членов социума. А.Н. Леонтьев в своей модели деятельности понятием *потребности* указывает на энергетическое начало жизнедеятельности, понятие *цели* схватывает предметную ориентированность действий субъекта, *мотив* деятельности – это опредмеченная потребность, то есть предмет, осознание отсутствия которого послужило

толчком для развертывания целенаправленных действий, способ осуществления которых обусловлен физическими и социальными *условиями*. Завершается построение модели указанием на психофизиологические функции человека, реализующие деятельность [2. С. 9].

Модель предметной деятельности А.Н. Леонтьева в версии 1974 года, с достаточной полнотой отображающая инфраструктуру (сотрудничающих коммуникантов), детерминирующую речь, давала ТРД неоспоримое преимущество перед психолингвистикой Миллера – Хомского необихевиористского толка, эвристические возможности которой для решения проблем производства, восприятия, онтогенеза языка и речевого общения были сомнительны.

Однако модель деятельности А.Н. Леонтьева, кроме того, создает предпосылки решения проблемы речевого общения при его знаковом опосредствовании в форме общности сознаний коммуникантов, которая создается у них в процессе деятельностного присвоения предметной этнической культуры, приводящей к формированию идентичного образа мира.

Опираясь на положение, доказанное в отечественной психологии Л.С. Выготским, а за рубежом Ж. Пиаже о том, что внутренние мыслительные процессы происходят из внешних, А.Н. Леонтьев обосновывает мысль о том, что внутренняя деятельность имеет форму внешних процессов и поэтому формы мышления и сознания носят следы общественной практики членов этноса. Этот тезис А.Н. Леонтьева создает основу решения труднейшей проблемы межкультурного общения – проблемы этнокультурной специфики формы и содержания речевой и неречевой деятельности. Нельзя не упомянуть, что степень полноты и адекватности отображения в модели деятельности А.Н. Леонтьева социальной инфраструктуры, по общему признанию, не знает альтернатив [5. С. 186–194].

Процесс деятельности в модели А.Н. Леонтьева может быть показан в следующем виде. *Потребность*, переживаемая как отсутствие *предмета-мотива*, её удовлетворяющего, отображает, как уже упоминалось, энергетическое начало, запускающее активность субъекта-деятеля. *Действия* – это активности субъекта, подчиненные конкретным *целям*, достижение которых ведёт к овладению *предметом-мотивом*, удовлетворяющим *потребности*. *Неречевые действия* направлены на *предметы-цели*, *речевые действия* – на сотрудников по совместной деятельности для регулирования их *действий*, развертываемых для достижения *предмета-мотива*. С позиции психолингвиста, заинтересованного в психологической квалификации речи, понимание ее как действия задает ее место в понятийной парадигме общепсихологической теории деятельности.

Особую роль в жизни человека, которая у А.Н. Леонтьева трактуется как деятельность, играют цели, соотносимые с речевыми и неречевыми действиями, в форме которых существует (развёртывается) деятельность. А.Н. Леонтьев настоятельно подчёркивает, что цели не изобретаются субъектом произвольно, они диктуются обстоятельствами и выбираются субъектом не автоматически, а существуют в некоторой предметной ситуации, в которой

действие отвечает задаче, являющейся целью, данной в определённых условиях [2. С. 15]. Также важное место в теории А.Н. Леонтьева занимает введенное им понятие операции как характеристики действия, которая обусловлена условиями его осуществления.

А.Н. Леонтьеву удалось решить капитальную, по его словам, проблему внешних и внутренних звеньев деятельности, опираясь на сформированное Л.С. Выготским представление о единении процессов интериоризации предметных действий при построении высших психических функций и внешних по форме процессов деятельности. Анализ приводит А.Н. Леонтьева к выводу, что первоначально внутренние психические процессы имеют форму внешних процессов с внешними предметами, которые меняют свою форму и трансформируются, хотя внутренняя деятельность остаётся подлинной деятельностью [2. С. 11]. Общность строения внешней и внутренней деятельности, по А.Н. Леонтьеву, есть предпосылка понимания обмена звеньями между внешними и внутренними формами деятельности. Он пишет по этому поводу: «...те или иные умственные действия могут входить в структуру непосредственно практической, материальной деятельности, и, наоборот, внешнедвигательные операции могут обслуживать выполнение умственного действия в структуре, скажем, чисто познавательной деятельности» [2. С. 11]. Что касается проблемы общности строения внешней и внутренней деятельности, то следует согласиться с А.Н. Леонтьевым, что открытие этой общности нужно отнести к важнейшим открытиям современной психологической науки [6. С. 76].

Прагматическая функция речи – быть инструментом организации совместной деятельности членов социума, которые не могут удовлетворить свои потребности в одиночку и поэтому вынуждены сотрудничать друг с другом, для чего требуется умение регулировать внешнее и внутреннее поведение друг друга. Такое регулирование предполагает, что сотрудники могут при помощи речи делать достоянием друг друга свои мысли, ориентируясь в которых они могут согласовывать свои внутренние и внешние действия. В связи с этим возникает проблема объяснения возникновения сознания и способов презентации (трансляции) образов сознания коммуникантами друг другу. Что касается собственно сознания, то А.Н. Леонтьев исходит из онтологически ясного представления, что «сознание в своей непосредственности есть открывающаяся человеку картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [2. С. 18]. Это представление можно полагать безупречным, если учесть, что в окружающем мире мы можем воспринять только то, что позволяют наши рецепторы, и в итоге мы ориентируемся в реальной действительности и понимаем только то, что позволяют нам образы нашего сознания.

При решении проблемы возникновения сознания А.Н. Леонтьев в соответствии с постулатами культурно-исторической школы исходит из представления, что «сознание не дано изначально и не порождается природой: сознание порождается обществом, оно производится» [6. С. 74].

А.Н. Леонтьев показывает не только социальную (этнокультурную) природу сознания, но и вскрывает психологическую технологию формирования

сознания. В [2] он пишет: «Необходимость сознания возникает лишь в результате формирования специфической для человека продуктивной деятельности. Продукт деятельности как результат, который еще только должен быть получен, актуально не существует. Поэтому он может управлять деятельностью (по его изготовлению. – *Е.Т.*) лишь в том случае, если он представлен в голове субъекта в такой форме, которая позволяет сопоставлять его с исходным материалом (предметом труда) и его промежуточными преобразованиями. Более того, психический образ продукта как цели должен существовать для субъекта так, чтобы он мог действовать по отношению к этому образу – видоизменять его в соответствии с наличной задачей. Образы, представления, отвечающие этим условиям, и суть сознаваемые образы, сознаваемые представления» [2. С. 19].

Однако образ, по А.Н. Леонтьеву, осознается только тогда, когда он замещает предмет идеально, как это происходит в речевом общении, где отсутствующие предметы присутствуют в сознании коммуникантов в виде своих образов, будучи овнешненными языковыми единицами, которые становятся формой существования образов субъекта сознания и для других людей. Иначе говоря, язык в процессе вербализации образов сознания становится субстратом сознания [2. С. 20].

Специального анализа требует представление А.Н. Леонтьева о формировании значения слова. В главе «Значение как проблема психологии сознания» он пишет: «Чувственные образы представляют всеобщую форму психического отражения, порождаемого предметной деятельностью субъекта. Однако у человека чувственные образы приобретают новое качество, а именно свою означенность. Значения и являются важнейшими “образующими” человеческого сознания» [6. С. 105].

Чувственный образ конкретного предмета члена социума формируется в процессе познавательной деятельности при помощи образов представления, функционирующих в качестве перцептивных эталонов. При трансляции этого образа другому члену социума можно использовать только общие для коммуникантов знания, которыми «снабдило» их общество, а такими знаниями являются знания, созданные общественной практикой, которые ассоциированы с телами языковых знаков языка, общего для коммуникантов. Следовательно, значение образа нового предмета, воспринятого человеком, формируется в процессе его вербализации, то есть в процессе определения его содержания при помощи значения / значений слов, его описывающих.

Теория речевой деятельности

После краткого знакомства с теорией деятельности А.Н. Леонтьева можно ответить на вопрос о том, какие представления транслировала эта теория в ТРД в качестве ее психологического фрагмента понятийного аппарата.

В первую очередь целесообразно принять положение, обоснованное А.Н. Леонтьевым, что язык в фило- и онтогенезе возникает, а также усваивается членами социума как инструмент решения практических задач их

совместной деятельности, позволяющий ориентировать друг друга в действиях, к которым они побуждают друг друга, что является необходимым условием совместной деятельности. Иначе говоря, А.Н. Леонтьев показывает, что язык – это побочный продукт совместной трудовой деятельности членов социума, вынужденных создавать средства ее организации в процессе обмена действиями и знаками.

При взаимодействии, обслуживаемом знаковым опосредствованием, в качестве предпосылки для использования тел языковых знаков речевой цепи необходима общность образа мира у коммуникантов, которая неизбежно создается в ходе участия в совместной деятельности, детерминирующей познавательную активность сотрудинок.

Теория деятельности А.Н. Леонтьева объясняет формирование значений образов сознания в процессе их *оречевления*, которое есть не что иное, как раскрытие содержания образов сознания при помощи знаний, выработанных общественной практикой и ассоциированных с телами языковых знаков. Это утверждение хорошо согласуется с представлением А.Н. Леонтьева о языке как субстанции и форме существования сознания субъекта для другого. Члены социума используют язык для организации речевого общения и для организации совместной деятельности.

Деятельностный подход к внутренней (психической) и внешней (акустической) стороне речи позволяет, во-первых, объяснить основания не только феноменологической идентичности внутренней и внешней речи (внутренние психические процессы строятся по аналогии с внешними предметными действиями), но и, во-вторых, онтологическую целостность. Онтологическую целостность внутренней и внешней речи в форме идентичности их строения коммуникантам можно усмотреть только в том случае, если учесть, что они обладают сходным образом мира, который, как показал Л.С. Выготский, функционирует как интрапсихический.

Инфраструктура, в которой функционирует речь человека, имеет сложный характер. Она опредмечивает явные и неочевидные детерминации, существующие в этом системном образовании. Можно с уверенностью утверждать, что только ТРД удалось создать объяснительную систему, адекватно отображающую совместную деятельность нескольких сотрудинок, ориентирующихся в природе и обществе при помощи общего образа мира и одного языка, что создает для них условия существования в этом мире. Если добавить в эту объяснительную картину представление о предметной, деятельностной и идеальной формах культуры, позволяющее транслировать во времени такой социальный феномен, как человеческая личность, то мы получим представление об эвристических возможностях деятельностного подхода в версии общепсихологической теории А.Н. Леонтьева.

В теории деятельности А.Н. Леонтьева речевая и неречевая деятельность описывается по идентичной схеме: в предметной и речевой деятельности субъект идентичный, объекты различны – это предмет в предметной и человек в речевой деятельности, орудие – это предмет-инструмент в неречевой и слово (речь) в речевой деятельности. Точнее можно сказать, что в речевой

деятельности орудием является не всё слово, а только тело языкового знака (звук, графема).

Продолжая осмысление теории речевой деятельности, от *методологических* оснований ТРД психолога А.Н. Леонтьева переходим к *теоретическим* построениям той же теории психолингвиста А.А. Леонтьева. Следует заметить, что позиция А.А. Леонтьева как создателя теории речевой деятельности в соответствии с методологическими схемами деятельностного подхода очевидна и прозрачна: он в статусе теоретика не просто строит новую психолингвистическую дисциплину, ориентируясь на деятельностную методологию, так сказать, в чистом виде. А.А. Леонтьев, имея перед глазами удачную реализацию деятельностного объяснительного принципа в форме общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, заимствовал из нее некоторые теоретические схемы, переведя их таким образом в категорию методологических постулатов.

Так, вслед за К. Марксом и А.Н. Леонтьевым А.А. Леонтьев полагает, что «в языке как общественном достоянии, как элементе общественно-исторического опыта, опредмечиваются развивающиеся в индивидуальном порядке (хотя и под воздействием общества) и непосредственно испытывающие на себе воздействие социальной среды речевые умения отдельных носителей языка» [7. С. 21]. Это происходит потому, что индивид не передает никакой информации во время общения, а использует язык как орудие для управления поведением людей, моделируя свою мысль в виде цепочки тел знаков и предъявляя эту цепочку для восприятия реципиенту. Маленький ребенок родной язык не учит специально, а решает в сотрудничестве со взрослым практические задачи и формирует тем самым соответствующие речевые умения, а также вырабатывает навыки общения и совместной деятельности.

Для теории речевой деятельности, как подчёркивает А.А. Леонтьев, важен общественный характер речи: «Речь по существу своему – не дело индивида, не дело изолированного носителя языка: это прежде всего внутренняя активность общества, осуществляемая им через отдельных носителей языка или, точнее, при их помощи» [7. С. 23]. Общественный характер речи как достаточно абстрактная характеристика речи состоит, по мнению А.А. Леонтьева, в том, что речь обеспечивает любую другую деятельность.

Вслед за Э.В. Ильенковым он раскрывает способ обеспечения языком любой деятельности: язык «служит своего рода „мостиком“, связывающим опыт общества, человеческого коллектива, и представляет собой явление идеально-материальное (идеальное в своем виртуальном аспекте, как часть общественно-исторического опыта, идеально-материальное в своем актуальном аспекте, то есть для каждого отдельного индивида, как способ, орудие отражения действительности в идеальной форме)» [7. С. 23–24].

Способность языка обеспечивать передачу мысли (но не информацию) основывается на общности этих мыслей о реальной действительности, с одной стороны, и на общности знаковых средств внешней фиксации этих мыслей – с другой. Иначе говоря, общаться люди при помощи языка могут только в рамках общих для них знаний о реальной действительности и при помощи

общих знаковых средств. Эта мысль, высказанная Л.С. Выготским около века назад в форме характеристики языка как «единства общения и обобщения», уже стала трюизмом, хотя и не всеми усвоенным [8. С. 50–51].

Анализ ТРД не будет полным без рассмотрения связи (отношений) речевых и неречевых действий. Наличие схематического отображения предметной деятельности, сформированной в общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, делает положение речи, получившей статус *речевого действия*, строго определенным: речь ориентирована на определенные цели (воздействие на людей), которым они подчинены и реализуются ради достижения цели-мотива деятельности, в которую это действие входит. Построение речевого действия детерминировано правилами конкретного языка, а кроме того, приспособлено своей формой и содержанием к физическим и социальным условиям развертывания речи и социальным характеристикам реципиента.

Выводы

Проведенный анализ показал, что деятельностный подход к исследованию сознания и функционирования языка является наиболее адекватным для решения стандартных проблем психолингвистики.

Деятельностная схема, предложенная А.Н. Леонтьевым, как инструмент умопостижения жизни человека достаточно полно отображает предметную деятельность человека как инфраструктуру, детерминирующую его речевые действия.

Деятельность как схема показывает сквозную деятельностную детерминацию сознания, общения и речи, настаивая на ведущей роли сознания, общность которого для коммуникантов есть облигаторная предпосылка речевого общения.

Литература

1. Основы теории речевой деятельности / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Наука, 1974. 368 с.
2. Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Наука, 1974. С. 5–20.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1–2. М., 1963.
4. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте языкознания // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
5. Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 174 с.
7. Леонтьев А. А. Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Наука, 1974. С. 21–28.
8. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. 520 с.

THEORY OF SPEECH ACTIVITY: METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

E.F. Tarasov

*Institute of Russian Language, RUDN University
Bldg 3, 10 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the article is to analyze and demonstrate the heuristic possibilities of the theory of speech activity as the only global theory in modern psycholinguistics. The perception of this theory involves the study of methodological and theoretical conceptual apparatus as a condition for experimental verification of empirical data.

Keywords: activity approach, activity theory, theory of speech activity, heuristic potential, psycholinguistics